

УДК 882 – 311.4

Н. БЕРДЯЕВ И М. ГОРЬКИЙ: О «ДУХАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И СУДЬБАХ КУЛЬТУРЫ

© 2013 А.Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2.3.2013

Аннотация: Рассмотрены ключевые аспекты полемики М. Горького с Н. Бердяевым о роли и значении культуры для процессов социального и духовного преобразования российского общества. Намечена динамика различий и сходства в их воззрениях на различных этапах общественно-исторического и личностного развития.

Ключевые слова: культура, революция, интеллигенция, политическая целесообразность, духовное самосовершенствование, диалогическая парадигма.

Abstract: The main aspects of controversy between M. Gorky and N. Berdjajev over the role and meaning of culture for the social and spiritual transformations in Russian society are examined. The evolution of difference and similarity of their opinions in diverse phases of socio-historical and personal progress is outlined.

Key-words: culture, revolution, intelligentsia, political suitability, spiritual self-help, dialogical paradigm.

Фигуры Н. Бердяева и М. Горького в процессах общественного восприятия XX столетия достаточно традиционно представляли своего рода антиподами, персонифицирующими разные «полюсы» ценностных ориентиров и векторов развития российской общественной мысли. В немалой степени этому способствовали однозначность и категоричность определений и оценок, стремление к нахождению непременно «объективных» и конечных истин, — как на уровне обыденного сознания, так и в научно-критической рефлексии. В последние десятилетия, когда уже достаточно ясно видится непродуктивность былых социологизированных мифологем («революционный пролетарский писатель», «реакционный религиозный философ» и т. п.), сопоставление указанных фигур в поле российской культуры актуализирует диалогическую парадигму выявления здесь многосторонних связей (прямых и опосредованных) на уровне определенного динамического единства.

В качестве одного из частных аспектов такой общей задачи показательным рассмотрением моментов полемики М. Горького с Н. Бердяевым о роли и значении культуры для процессов социального и духовного преобразования российского общества. В первые годы XX столетия М. Горький, стремительно обретающий на литературном поприще общероссийскую известность и громкую славу, жадно вслушивается в «голоса» отечественной общественно-философской мысли; отмечает при этом, что, хотя «философия

не моя специальность», «это место все сильнее болит у меня» [6, 227]. Именно в этот период начинают публиковаться и первые программные работы Н. Бердяева. В частности, самая первая его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (СПб., 1901), где ставилась задача расширения и определенной коррекции философских оснований марксизма, вызвала резко критическую реакцию радикального крыла социально-демократического лагеря («Социал-демократы относились ко мне враждебно...и нередко поносили меня насмешливо-иронически» [3, 379]).

Не оставался здесь в стороне и М. Горький. Для писателя, достаточно нигилистически настроенного в то время по отношению к «традиционным» общественно-философским концепциям и учениям (в числе которых, впрочем, позиционировался и марксизм), актуальной представлялась задача выработки непременно *новых* воззрений и ориентиров: «И как можешь ты принять что-то чужое, раз ты сам — и Бог и Кант, и источник всякой мудрости и пакости?» [6, 170]. В этом контексте, где намечались истоки известного горьковского «богостроительства», критические реплики в адрес Н. Бердяева (имевшие, как нам кажется, по-своему «ревнивый» характер) были достаточно кратки («Вот Струве и Бердяев и иже с ними пытаются создать религию. Жалкие люди!» [6, 170]). Публикация же еще одной работы молодого философа — «Борьба за идеализм» (Мир Божий. — 1902. — июнь) — породила со стороны М. Горького развернутую полемику, на содержании которой

© А.Б. Удодов, 2013

следует остановиться особо. Здесь писатель прежде всего дифференцирует российскую интеллигенцию, указывая, что «в данный момент в империи нашей есть две группы людей, нуждающихся в свободном слове. Первая (к которой М. Горький относит и Н. Бердяева, призывавшего опираться на «вершины» духовно-исторического опыта, накопленного культурой прошлого. — А. У.) — велика, разнообразна <...> Она — умная. Но — трусливая. Вот она, видя рост демократии, испугалась сего явления..., испугалась за культуру, которую демократ якобы не пощадит в случае победы его, и ныне проповедует необходимость «аристократов духа», идеализма и прочих штук» [6, 224-225] (Здесь и далее подчеркнуто нами. — А. У.).

Альтернативой же для писателя предстает «другая интеллигенция», которая «только что вылупилась из яичка, находится в периоде отрочества, но уже инстинктивно чувствует, что ей надо». Для неё, по мнению М. Горького, опора на ценности культуры и путь к самоусовершенствованию — это «поворот назад». «Теперь — совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель. Совершенствоваться мы будем потом, когда сведем счеты» [6, 224-225].

Стоит напомнить, что вышеприведенные высказывания, произвольно вырываемые из контекста эпистолярного и публицистического наследия писателя начала XX века, на протяжении многих последующих десятилетий оказались тысячекратно растиражированы в горьковедении как основания для формирования мифа о «пролетарском писателе», «буревестнике революции», восходившем в своем развитии по однозначно-спрямленной линии к идеалам революционной борьбы и построения «нового мира». Констатируя ныне спорность такого подхода, не выдержавшего испытания временем, отметим то, что представляется значимым: писателем было верно уловлено наличие, по его определению, «двух психических величин», маркирующих позиции двух лагерей интеллигенции — «культурников» (презрительно названных тогда «мещанами») и «героически настроенных демократов», — которые «расходятся все дальше» [6, 227].

Указанное «расхождение», персонифицированное на тот момент фигурами М. Горького и Н. Бердяева, обозначено в дальнейшем развитии, с одной стороны, продолжавшимися критическими горьковскими высказываниями в адрес «оппонента» («Думаю изображать современную «буржуазно-материалистическую интеллигенцию», как выражается Бердяев. Очень хочется подарить «всем сестрам по серьгам», в том числе Бердяеву небольшие» [6, 259]). С другой стороны, Н. Бердяев, отмечая, в свою очередь, указанное «расхождение» двух лагерей российской интел-

лигенции [4, 13-15], последовательно критиковал «маниакальную склонность оценивать философские учения... по критериям политическим» [4, 17], а в «освобождении от гнетущей власти политики» видел необходимое условие для «культурного возрождения России» [4, 30]. Но на этом пути, по мысли Н. Бердяева, необходимо «довести политику до идеального минимума, до растворения ее в культуре... Вот что должно быть нашим регулятивом...» [2, 171-172].

В написанной по горячим следам революционных потрясений работе «Духи русской революции» (1918) Н. Бердяев, констатируя свершившуюся социальную «катастрофу» [1, 250], обозначает в качестве ее своеобразных пророков крупнейших представителей русской литературы — Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Как представляется, в этом ряду вполне уместно мог быть назван и М. Горький — с его клишированным для определенного времени имиджем «буревестника революции». Но, как известно, с этим «духом» в указанный исторический момент происходила парадоксальная (на первый взгляд) метаморфоза, воплотившаяся в «Несвоевременных мыслях» писателя — публицистике 1917–1918 гг.

Несколько десятков горьковских статей, опубликованных в петроградской газете «Новая жизнь», проникнуты ощущением трагичности происходящего и тревогой за будущее страны. В революционных катаклизмах писатель угадывал перспективу создания таких жестких и антигуманных форм общественного устройства, каких ещё не знала российская история. И весьма знаменательно, что одной из узловых насущных проблем для М. Горького здесь выступает проблема судеб культуры — как основной точки отсчета и критерия закономерности и «праведности» происходящих перемен. Как можно видеть, проблема эта для писателя была не нова и своеобразным лейтмотивом проходила через все этапы формирования его историософских и социально-эстетических воззрений, — где вместе с тем обнаруживается отчетливая *динамика* в изменении его ценностно-ориентированных позиций.

Основной лозунг «Несвоевременных мыслей», декларируемый автором: «Граждане! Культура в опасности!», — поскольку его «поражает и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека» [5, 56]. Если вспомнить об осуждении Горьким представителей «бердяевского» лагеря, «испугавшихся за культуру» пятнадцатью годами ранее, то видим, что наступил через «пугаться» и былому критику такой позиции. Его пугает также и то, что «революция... не делает людей честнее, прямодушнее и не повышает их самооценки...» [5, 56], — то есть

не происходит того «самоусовершенствования», которое ранее в полемике с Н. Бердяевым осуждалось как «ненужный поворот назад».

Показателен для «Несвоевременных мыслей» и некий обобщающий вывод: «Где слишком много политики, там нет места культуре» [5, 60], — что почти дословно перекликается с вышеприведенными высказываниями Н. Бердяева и с его размышлениями о «духах русской революции».

Таким образом, можно видеть, что пресловутое «расхождение» «двух интеллигенций» во многом теряет в кульминационный момент революционных потрясений былую антагонистическую остроту (чтобы затем вновь обозначиться в разных видах — для «советской» и «эмигрантской», «официальной» и «альтернативной» ипостасей российской общественной мысли). И, как представляется, намеченная в таком контексте динамика расхождений и схождений взглядов двух духовных лидеров отечественной культуры по-своему демонстрирует специфику российского

социокультурного феномена, маркированного формулой «соединения несоединимого» в общем национальном поле общественно-исторического бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции / Н.А. Бердяев // Вехи. Из глубины. — М. : Правда, 1991. — С. 250-289.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. — М. : Правда, 1996. — 242 с.
3. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. — М. : ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков : Фолио, 2000. — 624 с.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бер-
5. Дяев // Вехи. Из глубины. — М. : Правда, 1991. — С. 11-30.
6. Горький М. Несвоевременные мысли / М. Горький // Пророки вне закона, или апокалипсис революции. — Воронеж : ВГПИ, 1992 — С. 54-65.
7. Горький М. Собр. соч. : В 30 т. / М. Горький. — М. : ГИХЛ, 1954. — Т.28. — 600 с.

Воронежский государственный педагогический университет. Удодов А.Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf 214 @yandex.ru

Voronesh State Pedagogical University. Udodov A.B., professor of the chair of the Russian language, Russian and foreign literature

E-mail: kaf 214 @yandex.ru